

СОБИРАЯ ИМПЕРИЮ

КАК ПЁТР ПЕРВЫЙ УСМИРИЛ ЕВРОПУ И УКРАИНУ

ИЛИ ШВЕД
ПОД ПОЛТАВОЙ

ПЁТР
БУКЕЙХАНОВ

Собирая империю

Петр Букейханов

**Как Пётр Первый усмирил
Европу и Украину, или
Швед под Полтавой**

«Алисторус»

2015

УДК 323
ББК 66.3

Букейханов П. Е.

Как Пётр Первый усмирил Европу и Украину, или Швед под
Полтавой / П. Е. Букейханов — «Алисторус», 2015 — (Собирая
империю)

ISBN 978-5-4438-0822-2

Полтавская битва – центральное событие Северной войны. В книге детально изучены стратегическое положение и планы сторон, развитие кампании шведской армии в России, оборонительная стратегия русского командования, оперативные планы и мероприятия русского командования под Полтавой, закономерности военных действий, которые предрешили исход Северной войны. Букейханов изучает психологию Петра I и Карла XII и показывает, как это отражается на их столкновениях. Автор подробно описывает роль украинских казаков в битве на той и на другой стороне, показывает роль Полтавской битвы в нормализации ситуации на Украине. Работа предназначена для всех, интересующихся военной историей.

УДК 323

ББК 66.3

ISBN 978-5-4438-0822-2

© Букейханов П. Е., 2015

© Алисторус, 2015

Содержание

Введение	6
Глава 1. От Дрездена до Полтавы	16
§ 1.1. Стратегическое положение и планы сторон. Развитие кампании шведской армии в России	16
§ 1.2. Оборонительная стратегия русского командования	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Пётр Букейханов

Как Пётр Первый усмирил Европу и Украину, или Швед под Полтавой

© Букейханов П. Е., 2015

© ООО «Издательство Алгоритм», 2015

* * *

...я вспоминаю притчу о льве: лев не может одолеть опытных охотников, бросается наутек, и, чтобы не узнали они, в какую сторону он убежал, хвостом замечает свои следы. Кто не увидит того же в поведении шведского льва?

Из панегирика Феофана Прокоповича в честь победы под Полтавой

Введение

Великая Северная война России против Швеции представляет один из важнейших этапов противостояния русских и германцев в ходе их взаимной экспансии на границе Западной и Восточной Европы. Главным следствием военного конфликта Швеции и России явилось крушение одной из типичных западноевропейских геополитических систем – шведской – и возвышение противоположной по существу русской системы, стремившейся при этом копировать важнейшие принципы государственной организации и военного устройства своего противника. В результате все работы, посвященные войнам XVIII столетия и развитию русских и западноевропейских вооруженных сил в этот период, а также российской армии и флота, в том числе отдельных родов войск, так или иначе связаны с историей Северной войны и Полтавской битвы. Количество такого рода исследований очень велико. Невозможно обойти историю Полтавской битвы и в биографических исследованиях жизни и деятельности главных действующих лиц Северной войны – русского царя Петра I и шведского короля Карла XII. По справедливому мнению Б. Григорьева, одно только перечисление статей и монографий о Карле XII составило бы целый фолиант¹, что, несомненно, относится и к Петру I.

Соответственно, поскольку предпосылки, ход и результаты Северной войны давно и подробно изучены в сотнях научных и военно-исторических работ, то данная тема, на первый взгляд, уже не требует дальнейшего исследования. Как верно заметил польский историк И. Граля, хотя говорил он по поводу Грюнвальдской битвы, что невозможно, да и нет необходимости устанавливать всех тех авторов, которые отличились в литературных стычках вокруг данного события, поскольку «имя им легион»². Тем не менее, наряду с множеством «проходных» работ и массой «плагиата» существует ряд известных ключевых исследований, которые в свое время детерминировали как направление научных дискуссий, так и общественное восприятие исторического феномена Полтавской битвы. Хотя большинство из них тенденциозны по характеру подачи материала и предлагаемым выводам, но для исследователя главным критерием их ценности является, прежде всего, наличие новой достоверной информации либо новых и обоснованных идей по интерпретации уже имеющихся сведений.

Так, в русской военной историографии имперского периода, построенной в отношении Северной войны усилиями В. И. Баскакова, Д. П. Бутурлина, Н. Ф. Зезюлинского, А. А. Керсновского, Г. А. Леера, Д. Ф. Масловского, А. З. Мышлаевского, И. Ф. Павловского, Н. П. Поликарпова, Н. Г. Устрялова, Н. Л. Юнакова, главной базой служили архивные документы и материалы исследуемого периода, в том числе за авторством непосредственно Петра I и лиц из числа его ближайшего окружения, либо подготовленные несколько позднее на основе обобщения данных из различных источников, включая свидетельства очевидцев и устную традицию. Это прежде всего «Книга Марсова или Воинских дел от войск царского величества российских по взятии преславных фортификаций, и на разных местах храбрых баталий учиненных над войски его королевского величества свейского», «Юрнал или Поденная записка государя императора Петра Великого с 1698 до заключения Ништадского мира», «Обстоятельная реляция о счастливой главной баталии меж войск его царского величества и королевского величества свейского, учинившейся неподалеку от Полтавы сего иуны в 27 день 1709-го лета», обобщившая эти источники «Гистория Свейской войны», а также многотомный труд курского купца И. И. Голикова о царствовании Петра I и материалы по русской истории современника Петра и очевидца многих событий новгородского дворянина П. Н. Крекшина. В итоге при внима-

¹ Григорьев Б. Н. Карл XII, или Пять пуль для короля. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 550 [10] с. – С. 5.

² Граля И. В июле 1410-го. Спорные вопросы вокруг великой битвы // Российский исторический журнал «Родина», 2010. – № 7. – С. 9–14. – С. 9.

тельном рассмотрении оказывается, что все работы указанного периода в основном дублируют друг друга в части описания и трактовки наиболее значимых исторических событий, а также характеризуются односторонностью подхода к представлению фактографического материала, в особенности при отражении собственно военного аспекта противоборства русских со шведами. По справедливому мнению некоторых современных российских историков, основные материалы о Северной войне, принадлежащие русскому военно-политическому руководству, имеют ярко выраженный идеологический и пропагандистский характер, поэтому должны обязательно подвергаться сравнительному анализу с использованием материалов шведской стороны³. Однако русская имперская историография такого анализа не проводила. Наряду с этим из идеологических соображений игнорировались материалы, авторство которых принадлежало офицерам-иностранцам на русской службе, в частности, ценнейшие воспоминания генерала Людвиг Алларта, показывающие, насколько велика была роль германских и голландских офицеров в достижении победы русской армии в Северной войне (эту же традицию охотно переняли и советские историки, настойчиво тиражировавшие в своих работах утверждения следующего типа: «Лучшие представители русской дореволюционной историографии всесторонне обосновали национальный характер петровских преобразований, решительно отвергли версию о том, будто военное искусство в России развивалось путем заимствования иноземных образцов»⁴).

По мнению директора Российского государственного архива древних актов М. Р. Рыженкова, отраженному в докладе на заседании Научного совета РГАДА 1 октября 2009 года, сочинения XVIII – первой половины XIX вв., начиная со «Слова похвального о баталии Полтавской» Феофана Прокоповича, отличает панегирический характер⁵. Авторы стремились в большей степени прославить гений царя-реформатора, чем описать реальные исторические события. Отсюда происходило порой произвольное отношение к источникам, что особенно ярко проявилось в трудах собирателя старинных рукописей П. Н. Крекшина. В первой половине XIX в. русские историки так называемого «официального направления» (Д. П. Бутурлин, А. П. Карцов), отмечая значение Полтавской битвы, ограничивались, по сути, сравнением стратегии и тактики полководцев, Карла XII и Петра I, безусловно в пользу последнего. Тем не менее, главным достоинством трудов военных историков «русской военно-исторической школы» было выявление и введение в научный оборот значительного количества первоисточников (профессором Николаевской академии Генерального штаба Д. Ф. Масловским, а также профессорами Николаевской академии А. З. Мышлаевским и А. К. Баиовым).

В советский период наиболее полная (объемная) историческая работа о Северной войне была подготовлена академиком Евгением Тарле (издана в 1958 году, уже после смерти автора), который обобщил в ней результаты самых значимых предшествовавших исследований, а также использовал главные документированные свидетельства участников событий как с русской, так и со шведской стороны. Тем не менее, при всем богатстве фактографического материала, в работе Е. В. Тарле «Северная война и шведское нашествие на Россию» практически отсутствует анализ целесообразности и оптимальности оперативных планов и тактических решений шведской стороны. В связи с идеологической тенденциозностью исследования, оперативные замыслы шведского командования искажаются и представляются изначально ущербными, боевой потенциал шведских войск сравнительно с русскими умышленно недооценивается, тогда как особенности тактики действий шведской армии на поле боя и эволюция тактики в ходе войны вообще остались за рамками исследования. Напротив, личность русского царя

³ Молтусов В. А. Полтавская битва: Уроки военной истории. 1709–2009. – М.: Объединенная редакция МВД; Кучково поле, 2009. – 512 с. – С. 14–28.

⁴ История Северной войны. 1700–1721 гг. / Под ред. И. И. Ростунова. – М.: Издательство «Наука», 1987. – 215 с. – С. 4.

⁵ <http://www.rusarchives.ru/federal/rgada/>.

Петра I всячески превозносится, а его способности как военачальника явно преувеличены в ущерб полководческому искусству шведского короля Карла XII. Кроме этого, соотношение сил и потерь русской и шведской армий во всех рассматриваемых боевых столкновениях дается по данным русской стороны, выгодным для доказательства тезиса по поводу превосходства русских войск по уровню боевого мастерства. Никакие альтернативные варианты действий и решений, которые позволили бы шведам одержать победу над русскими в ключевой для оценки уровня обоих противников битве под Полтавой, Тарле даже не рассматриваются в связи с навязыванием читателю принципа объективности исторического процесса, жестко детерминированного по своим результатам совокупностью сложившихся социальных и экономических условий бытия народов и государств. Отсюда же следует и оценка оперативно-стратегических последствий Полтавской битвы, а также ее место в Северной войне. Непропорционально большое внимание уделяется рассмотрению незначительных эпизодов, служащих для доказательства тезиса о «народной войне» русских, украинцев и белорусов против шведских «оккупантов».

Вследствие авторитета автора, награжденного тремя Орденами Ленина и трижды лауреата Сталинской премии, в дальнейшем почти все советские и некоторые российские авторы в целом придерживались схожего подхода к проблеме и все той же традиционной системы взглядов и суждений, за исключением того, что в их работах еще и почти все командиры шведских частей и соединений оставались безликими и безымянными фигурантами. Эта тенденция к обезличиванию противника, вообще превалирующая в советской военной истории, существенно снижает адекватность реконструкции и анализа происходивших военных событий.

С другой стороны, касаясь царской армии, значительный вклад в исследование ее организации, вооружения, тактики и оперативного искусства в период Северной войны внесли Л. Г. Бескровный, Е. Е. Колосов, В. В. Мавродин, Н. И. Павленко, Е. И. Порфирьев, М. Д. Рабинович, Б. С. Тельпуховский, В. Е. Шутой. Кроме этого, на заключительном этапе развития советской историографии появилась определенная тенденция и к более детальному и объективному изучению шведских вооруженных сил и оценке их боевой работы, что нашло отражение в трудах А. А. Васильева, В. А. Артамонова, П. А. Кротова. Тем не менее при обращении к изучению и анализу непосредственно боевых действий русских против шведов, указанные авторы также не свободны от типичного для советской историографии субъективизма, что наглядно показывают работы В. Артамонова, посвященные 300-летию событий под Лесной и под Полтавой. Более объективен П. А. Кротов, также подготовивший фундаментальный труд к 300-летней годовщине Полтавской битвы.

В шведских исследованиях, по-видимому, имеют место аналогичные тенденции, хотя судить об этом затруднительно, поскольку подавляющее большинство работ и сегодня остается неизвестным российскому читателю. Тем не менее, такой признанный специалист по военной истории стран Восточной Европы и военно-политическим отношениям России со Швецией, Польшей и Турцией в XVII – первой половине XIX вв., как В. Артамонов, констатирует, что у шведских исследователей также наблюдается редкое единодушие в небиаспристрастной оценке событий Северной войны⁶. Наиболее фундаментальное специальное военное исследование, на которое опираются современные шведские авторы – «Карл XII на полях битв», было подготовлено в 1918–1919 гг. силами шведского Генерального штаба (Generalstaben: Karl XII på slägfaltet), но оно также плохо известно в России, как и последующие работы, где данное исследование подвергалось переоценке и корректировке со стороны Г. Артеуса (G. Arteus), Ф. Вернштедта (F. Wernstedt), Г. Петри (G. Petri), Э. Тенгберга (E. Tengberg).

При этом, с точки зрения М. Рыженкова, шведские историки предпочитали умалчивать о самой битве и ее значении и говорили о других обстоятельствах – о том, что это была ката-

⁶ Артамонов В. А. 1708–2008. Мать Полтавской победы. К 300-летию победы Петра Великого при Лесной. – СПб.: Общество памяти иугумении Таисии, 2008. – 208 с. – С. 13–14.

строфа для шведских пленных, а поражение для шведского народа в смысле физических и материальных потерь, как поражение повлияло на внутреннюю политику, и, не в последнюю очередь, как повлияло на Карла XII то, что он перестал быть победителем и оказался наголову разбитым военачальником.

Таким образом, взгляды российской стороны на причины и объективные обстоятельства поражения шведов под Полтавой довольно существенно отличаются от мнения и подхода к проблеме шведских исследователей.

Вместе с тем в последнее время было издано несколько трудов шведских и российских историков, которые восполняют для российского исследователя и читателя пробелы в объективном изучении Северной войны с оперативно-стратегической и оперативно-тактической стороны военных действий в период, непосредственно предшествовавший Полтавской битве (дополтавский период), а также в ходе самой битвы, в частности, работы П. Энглунда (P. Englund) и А. В. Беспалова (характерно, что в библиографии к одному из исследований А. Беспалова перечислено более пятидесяти иностранных работ, никогда не публиковавшихся в России, тогда как П. Энглунд в своей работе «Полтава. Рассказ о гибели одной армии», ограничился использованием всего четырех российских источников – работы Н. И. Костомарова, И. Ф. Павловского, Е. И. Порфирьева, Е. В. Тарле). В сравнении с этими исследованиями, отдельные интересные биографические произведения, посвященные личности царя Петра или короля Карла (например, исследования Б. Н. Григорьева и С. Э. Цветкова), являются или вторичными, или поверхностными по отношению к собственно военным вопросам.

По оценке М. Рыженкова, единственным шведским исследованием, целиком посвященным Полтавской битве во всем многообразии исторического явления от предпосылок до последствий, является работа Петера Энглунда, опубликованная в Стокгольме в 1988 году, переведенная на русский язык и изданная в 1995 году.

Кроме этого, особого внимания заслуживает вышедший к 300-летней годовщине битвы под Полтавой труд В. А. Молтусова «Полтавская битва: Уроки военной истории. 1709–2009», подготовленный по результатам диссертационного исследования этого же автора на тему: «Полтавская битва. Новые факты и интерпретация». Данное исследование выгодно отличается новизной предлагаемых идей и выводов, что, однако, относится лишь к узкоспециальным вопросам, таким как точное месторасположение русских редутов на поле боя или исчерпывающая характеристика ситуации с дефицитом отдельных предметов снабжения в шведской армии. По основным вопросам военного характера на оперативном и стратегическом уровне автор остается в рамках российской и советской исторической традиции, хотя в некоторых случаях опровергает данную позицию собственными сведениями и фактическими материалами. Так, например, не вписываются в устоявшуюся историческую концепцию сведения и выводы по поводу оценки значимости возведения системы редутов в предполье лагеря русской армии и боевых действий вокруг этих редутов на начальном этапе битвы; о характере действий русской кавалерии в районе редутов и степени организованности ее отступления оттуда; об участии в битве на ее заключительном этапе второй линии боевого порядка русской армии; о значении субъективного фактора – ранения короля Карла XII, для оценки решений и действий русского командования, а также его влияния на ход и исход Полтавской битвы.

С другой стороны, своей главной целью мы выбрали не дополнение и уточнение предшествующих исследований, а синтез имеющейся информации в новое, более качественное целое, поскольку мудрые учат, что лучше увеличивать свою линию, чем укорачивать чужие. Как указывал автору один из его начальников при обсуждении каких-либо инновационных идей и рационализаторских предложений: «Главная цель офицера – это не оптимизировать свою деятельность, а решать поставленные задачи, для чего, если понадобится, копать от забора и до обеда». Тем не менее, большинство социальных задач все-таки имеет несколько решений, отличающихся по оптимальности. Поскольку война – это разновидность социальной дея-

тельности, то боевые задачи также решаются разными способами, и критерием оптимальности здесь тоже является соотношение между достигнутыми результатами и понесенными при этом затратами, только затратами в данном случае выступают не столько материальные средства, сколько людские потери сторон (то есть человеческие жизни).

Исходя из этого, основной целью исследования являлось хотя бы приблизительно оценить оптимальность оперативных и тактических решений русского и шведского военного командования, учитывая ставившиеся ими задачи и понесенные потери. При этом в качестве главных объектов изучения были выбраны главнокомандующие противоборствующими армиями – король Карл XII и царь Петр I, а также ответственные военачальники с обеих сторон, а предмет исследования – их оперативные и тактические решения в различных боевых ситуациях. Соответственно, оперативные и тактические решения прослеживаются не только за сравнительно короткое время, охватывающее подготовку к Полтавской битве, саму битву и последующую капитуляцию шведской армии под Переволочной, но и за другие периоды Северной войны, когда военные действия позволяют характеризовать «почерк» того или иного военачальника. В данной работе, по аналогии с «почерком» преступника, «почерк» полководца определяется как система взаимосвязанных, детерминированных условиями внешней среды и психофизическими свойствами личности, повторяющихся решений и действий по организации боевых действий, осуществляемых в определенном порядке и направленных на достижение победы в бою или операции. Как следствие, автор придерживается феноменологического подхода к изучению исторического процесса, при котором большое внимание уделяется анализу так называемых субъективных, личностно-психологических факторов – тех или иных индивидуальных свойств и качеств людей – участников исследуемых событий, оказавших влияние на принятие и реализацию значимых решений.

Наряду с этим в работе рассматриваются и альтернативные варианты решений. Благодаря историкам теперь хорошо известно, что история не имеет сослагательного наклонения, поскольку в советской и российской историографии всегда преобладали объективистские тенденции, когда историческое событие требовали оценивать исключительно по его конечным материальным результатам или идеологической роли, без обсуждения содержания события, интерпретации его элементов и деталей, анализа альтернативных вариантов реализации. Все это означало фактически принудительный отказ от выявления закономерностей исторического процесса на событийном уровне. Поэтому, хотя объективный исторический анализ на все позволяет дать точный ответ, проходят десятилетия, прежде чем этот ответ будет полностью сформулирован и станет исчерпывающим.

Вместе с тем, если событие может быть реализовано только в единственном варианте, его изучение не имеет никакой практической пользы, поскольку из этого нельзя извлечь никаких уроков или сделать прогностические выводы. По-видимому, точка зрения, что история не терпит сослагательного наклонения, выгодна тем, кто стремится закрыть саму возможность извлечения практических уроков из исторического процесса, запретив его действительно глубокое изучение под видом борьбы с так называемой «фальсификацией истории». Напротив, главная ценность истории заключается в сослагательном наклонении, поскольку только сравнительный анализ альтернативных вариантов позволяет предложить оптимальные способы действий в той или иной ситуации и предположить ошибочные (неоптимальные) действия и решения исполнителей и ответственных руководителей, приведшие к данному результату. Вот этот анализ и представляет опасность для политической элиты в странах с тоталитарной имперской идеологией, так как развенчивает мифы вокруг искусственно героизированных личностей и событий, ореол которых эксплуатирует в своих интересах элитарная власть. Однако без вариационного анализа, учитывающего цикличность исторического процесса и повторяемость в нем однотипных положений и схожих ситуаций, история становится всего лишь более или менее подробным описанием хронологической последовательности фактов и событий, пригодным

только для тренировки памяти и совершенно бесполезным для организации текущего управления социальными процессами.

Соответственно, основной смысл проведенного исследования Полтавской битвы заключается в ответе на следующие вопросы: 1) почему при возможности выбора альтернативных вариантов действий противоборствующими сторонами был избран только тот, который и привел к известным последствиям; 2) кто непосредственно отвечает за верный или ошибочный выбор, сделанный в той или иной оперативной или оперативно-тактической ситуации.

Вместе с тем, по нашему мнению, никто, кроме полевых командиров, не имеет морального права высказывать критические замечания в адрес рядовых солдат, а также офицерского состава частей и соединений, поскольку эти люди вместе участвуют в боях, постоянно рискуют своей жизнью, а также выполняют огромный труд (марши, оборудование позиций, охранение, разведка, обслуживание боевой техники и т. д.), перенося при этом все тяготы и лишения воинской службы (голод, холод, грязь, болезни). Однако высшие военачальники вполне подлежат критике, поскольку, во-первых, они добровольно взяли на себя ответственность за армию перед обществом и принимают решения, от которых прямо зависит судьба подчиненных солдат и офицеров – членов этого общества. Во-вторых, даже тогда, когда военачальники лично вели в бой свои войска, они оставались под прикрытием солдат, поэтому и опасность для их жизни всегда была меньше, чем для жизни солдата. Так, например, в битве под Полтавой погибли более 8 тысяч шведских солдат (~35 % общего состава армии), но при этом не был убит ни один из шведских генералов. Так что война для крупных военачальников оказывается довольно безопасным видом деятельности, причем хорошо вознаграждаемым, недаром русская пословица говорит: «Кому война, а кому мать родна».

Причем, в отличие от огромного большинства забытых историей рядовых солдат и офицеров, которые незаметно вели свои маленькие сражения, складывающиеся в общие победы или поражения, широко известными остаются только военачальники. Разные стороны образа этих людей отражаются в материализованной информации – анналах, летописях, мемуарах, документах, портретах, личных вещах и т. д. Это предопределяет наличие некоторого объема централизованных данных, позволяющих сделать выводы по поводу особенностей их личности, образа мышления и действий. Поэтому, с точки зрения субъективной стороны развития военного искусства, военные руководители являются уникальным объектом для изучения, касающегося установления внутренней и внешней обусловленности их решений; определения степени влияния этих решений на реальное развитие событий; анализа спектра альтернативных решений и ближайших последствий их реализации. Кроме того, единолично консолидируя славу и известность, полководцы соответственно принимают на себя и коллективную ответственность за качество ведения и результаты войны. Следовательно, критика военачальника этически допустима, в отличие от критики в адрес солдата, жертвовавшего по приказу свыше своей жизнью, здоровьем и элементарным бытовым комфортом.

Тем не менее, критика военачальников, по-видимому, должна несколько отличаться от суждений кадета, который всегда знает, как надо было выиграть проигранное сражение. Интерес представляет проанализировать степень вероятности альтернативных вариантов решений и действий полководца. Причем не углубляясь в развитие далекой от действительности так называемой «альтернативной истории», поскольку уже доказано, что в связи с многофакторной обусловленностью развития исторического процесса, гипотетическое возмущение по одному из факторов все равно нивелируется остальными, что возвращает процесс к его наблюдаемому виду в более или менее обозримое время (в зависимости от силы возмущения, хотя стабилизация может длиться на протяжении жизни нескольких поколений людей, для которых, напротив, все изменяется кардинальным образом, по крайней мере, в начальный период). В данной работе анализ различных вариантов развития событий служит целям лучшего объяснения существующей реальности.

Соответственно, автор не пытался ввести в научный оборот и представить читателю ранее неизвестные ему факты, тем более что относительно Полтавской битвы это уже вряд ли является возможным (хотя, например, П. Кротову после длительной работы в архивах удалось обнаружить документ «Табаля войску русскому» – ведомость списочного состава русской армии на момент непосредственно после Полтавской битвы, сохранившийся среди материалов того периода из русского посольства в Копенгагене⁷). Предлагаемое вниманию читателя аналитическое исследование уже известных фактов было предпринято для ответа на вопрос о причинах событий, степени их обусловленности и закономерности в связи с окружающими условиями. Для решения указанной задачи требуется исследование самых существенных признаков происходившей вооруженной борьбы, когда имевшие место боевые действия соотносятся с оперативными и тактическими формами боевого применения войск в данный период времени, их вооружением, наиболее распространенными тактическими приемами и способами ведения боя. Только тогда хроника отдельных боев и личные свидетельства их участников позволяют определить, насколько организация военного дела, то есть усилия военно-политического руководства страны, соответствовали реальным требованиям стратегической и оперативной обстановки на театре войны. Наиболее характерно и отчетливо все это проявляется в ходе крупных битв и сражений с решительными целями, при которых стороны противоборства задействуют все имеющиеся ресурсы для достижения успеха, а личные истории участников и прошедшие бои запечатлеваются в многочисленных мемуарных свидетельствах. Именно поэтому в качестве центральной темы данного исследования была выбрана Полтавская битва.

Учитывая изложенное, основной целью исследования стало установить закономерности в решениях и действиях военного командования шведских и русских войск, найти обусловленность этих закономерностей объективными и субъективными причинами, а также изучить динамику причинных связей в установленных исследованием временных рамках исторического процесса. Для достижения этой цели использовались методы познания, базирующиеся на синкретическом подходе к анализу исторической информации. Отсюда автор сосредоточил внимание на аналитической интерпретации имеющегося фактографического материала, стремясь использовать для этого максимально широкий круг источников информации, чтобы решить следующие задачи:

- 1) указать главные стратегические причины и факторы, повлиявшие на ход и исход вооруженного противоборства русских и шведов под Полтавой летом 1709 года;
- 2) установить закономерности развития оперативной ситуации в период, непосредственно предшествовавший Полтавской битве, для определения вероятности и целесообразности различных вариантов оперативных решений обоих противников;
- 3) установить закономерности развития тактической ситуации на каждом из этапов Полтавской битвы для определения вероятности и целесообразности различных вариантов тактических решений обоих противников;
- 4) рассмотреть ход событий, исходя из личностного аспекта, показав как главнокомандующих обеими армиями, так и других участников боевых действий с обеих сторон, чтобы акцентировать внимание на роли личности в решении тех или иных оперативных и тактических задач;
- 5) оценить стратегические и оперативные итоги Полтавской битвы для каждой из сторон и ее влияние на ход и исход Северной войны в целом.

Исследование включает анализ развития стратегической и оперативной ситуации в рассматриваемый период Северной войны; воспроизведение тактического хода боевых действий

⁷ Кротов П. А. «Совершенный камень в основание Санкт-Петербурга» (Полтавская битва: некоторые перспективы и итоги изучения) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Пятой ежегодной научной конференции (23–25 апреля 2003 г.). – СПб., 2004. – С. 74–83. – С. 76.

при столкновениях основных группировок противников с указанием соотношения их сил и средств, а также понесенных потерь; данные главных участников боев из числа командного состава противоборствовавших сторон; характеристику основных этапов подготовки и развития Полтавской битвы; сравнительный анализ тактики сторон в ходе битвы с учетом имевшегося у противников опыта войны; оценку оперативных и стратегических результатов битвы с учетом дальнейшего хода Северной войны.

Вместе с тем в предмет исследования не входило изучение вопросов развития боевых средств, поэтому они отражаются по мере необходимости, в связи с анализом тех или иных боевых действий.

Структура исследования построена по хронологическому принципу. Все календарные даты соответствуют старому русскому стилю.

Новизна данной работы состоит в том, что в ней на основе сопоставления сведений из различных источников впервые предпринята попытка:

- 1) на основе феноменологического подхода провести сравнительный анализ полководческого «почерка» царя Петра I и короля Карла XII, включающий выявление тех психологических особенностей личности каждого из них, которые определили выработку стратегии ведения войны, оперативное мышление, своеобразие постановки и решения оперативных и тактических боевых задач с использованием имеющихся сил и средств, личное поведение непосредственно на поле боя;

- 2) исследовать альтернативные варианты оперирования войсками противоборствовавших сторон в районе Полтавы;

- 3) детально воспроизвести ход битвы под Полтавой с учетом тактики ведения боя русскими и шведскими войсками и оценить целесообразность принятых ими тактических решений, исходя из боевого опыта, накопленного каждой стороной в ходе Северной войны;

- 4) изучить всю совокупность причин, повлиявших на ход и исход Полтавской битвы;

- 5) с помощью методов численного и корреляционного математического анализа количественно оценить эффективность боевой работы русских и шведских войск в ходе важнейших боевых столкновений Северной войны, а также определить наиболее значимые факторы, повлиявшие на исход этих боевых столкновений, сопоставив полученные результаты с традиционными для исторической науки и общественного сознания качественными оценочными характеристиками Полтавской битвы.

Поскольку Северная война и уникальное личное противостояние в ней главнокомандующих сражавшимися войсками Петра I и Карла XII существенно повлияли на эволюцию военного искусства, в особенности применительно к русской армии, решение поставленных в исследовании задач позволяет сделать выводы по поводу минувшего опыта, которые отчасти облегчают понимание условий ведения вооруженной борьбы в будущем.

Как частное замечание, согласно русской народной мудрости, генеральский чин – это не должность и не звание, это счастье. В Московском царстве (впрочем, аналогично Российской империи, Союзу Советских Социалистических Республик, всем их правопреемникам и многим другим государствам) присвоение генеральского звания означало вхождение в узкую элитарную касту со своими особыми кастовыми нормами и правилами поведения, включающими и особую систему отношений между людьми «генеральской породы». Поэтому в данной работе различия в званиях от генерал-майора до генерала того или иного рода войск специально не прослеживаются как несущественная информация, мало значимая для понимания существа событий. Главное отметить, что данное лицо входило в генеральскую касту, то есть было причислено к военачальникам высшего ранга.

Конечно же, в некоторых случаях, например, при несоответствии в звании и должности взаимно подчиненных друг другу генералов (когда прямой или непосредственный начальник был ниже своего подчиненного по званию), это придавало их взаимодействию и отно-

шениям определенные психологические нюансы. Кроме того, существовали еще и проблемы межличностного общения ответственных военачальников, каждый из которых в определенные периоды времени являлся командующим самостоятельной группировкой войск на том или ином театре военных действий. Например, П. Энглунд отмечает⁸, что в шведской армии такие проблемы существовали в отношениях между генерал-фельдмаршалом Карлом Реншельдом и генералом от инфантерии Адамом Левенгауптом. Однако подобные психологические тонкости человеческих взаимоотношений практически невозможно объективно оценить, а тем более определить степень их влияния на принятие решений, что не позволяет формировать вполне обоснованные выводы и предположения.

Помимо генеральских званий, в работе в некоторых случаях не указываются дворянские титулы, а также приставки к фамилиям русских (иностранного происхождения или подданства), шведских, немецких и других аристократов, отмечающие их дворянское происхождение или «рыцарское» звание: «де», «фон», «риттер», «цу», «цур» («d'», «von», «ritter», «zu», «zug»). В начале XVIII века подавляющая часть офицерского состава, как в шведской, так и в русской армиях, в особенности среди высших командиров, комплектовалась исключительно представителями дворянства и аристократии.

Иностранные имена и фамилии даются как в русскоязычном, так и в латинском или шведском написании.

В работе использованы общедоступные портретные изображения участников Полтавской битвы и вообще описываемых событий, сделанные в разные годы до, во время и после Северной войны, поэтому видимые знаки различия и награды могут не соответствовать званию и наградам летом 1709 года.

В заключение целесообразно предупредить читателя, что предлагаемая его вниманию работа достаточно плотно нагружена фактами и цифрами, потребовавшимися для комплексного анализа изучаемых исторических событий. Линия изложения часто прерывается отступлениями, необходимыми для более полного и целостного отражения и восприятия происшедшего. В целях наиболее адекватного отражения уровня боевого и тактического мастерства сражающихся сторон, их действия детализированы настолько, насколько это позволяло наличие источников и требовалось для решения основных задач исследования.

Также следует пояснить, что Северная война в принципе отнесена автором к военному противостоянию русских и германцев, поскольку, во-первых, в составе шведской армии было около четверти немцев из германских государств (шесть рейтарских кавалерийских полков – немецкие вербованные полки командиров Альбедиля, Дюккера, Ельма, Мейерфельдта, Таубе, Гюлленшерны общей численностью более 8 тыс. солдат и офицеров, не считая отдельных подразделений и военнослужащих, например, из Саксонии и Силезии, которыми в 1707 году были доукомплектованы шведские части, поэтому Б. Григорьев считает, что немцы составляли до половины королевской армии⁹); во-вторых, Карл XII по мужской линии принадлежал к германской династии князей Виттельсбахов, получивших свой титул еще в XII веке; в-третьих, в составе Швеции в это время находились и германские земли – пфальцграфство Цвайбрюккенское (в земле Рейнланд-Пфальц в Баварии), Верхняя Померания с городом Штральзунд, часть Нижней Померании с городом Штеттин, области Бремен и Верден, а также некоторые мелкие княжества – Юлихское, Бергское, Клевское и город Висмар; в-четвертых, германские племена, заселившие земли по течению Верхнего Рейна, пришли из Скандинавии, так что немцы и шведы являются этнически родственными нациями.

⁸ Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. – М.: Новое литературное обозрение, 1995. – 288 с. – С. 76–77, 153.

⁹ Беспалов А. В. Северная война. Карл XII и шведская армия. – М.: «Рейттаръ», 2000. – 192 с. – С. 170; Григорьев Б. Н. Указ. соч. С. 222.

Вместе с тем мы не предполагаем, что аналитическое исследование одной только Полтавской битвы позволяет исчерпывающе судить о характерных особенностях военного противостояния русских и германцев. Поэтому автор рассчитывает продолжить изучение данной проблемы в широкой исторической ретроспективе, используя открытые в настоящее время обширные источники информации для решения всех указанных выше задач.

Глава 1. От Дрездена до Полтавы

§ 1.1. Стратегическое положение и планы сторон. Развитие кампании шведской армии в России

«Русский» поход 25-летнего короля Шведов, Готов и Вендов Карла XII был начат в августе 1707 года для победы над последним врагом Швеции в Северной войне – русским царем Петром I (после заключения в сентябре 1706 года в местечке Альтранштадт (Альтранштедт, Altranstädt) мирного договора с курфюрстом Саксонии Августом II). Шведская армия выступила из Дрездена (Dresden) в Саксонии и, задерживаясь лишь для пополнения численного состава и материальных запасов, в начале сентября перешла через реку Одер в районе города Штейнау (Steinau), миновав польско-саксонскую границу, а затем двинулась в глубь Польши. В октябре шведы сделали длительную стоянку в Познани (Posen), стягивая туда подкрепления и подготавливая запасы предметов снабжения, а в январе 1708 года королевская армия вошла в Белоруссию, на территорию Великого княжества Литовского. К этому времени под королевскими знаменами были собраны около 43–45 тысяч профессиональных, вымуштрованных и приобретших большой боевой опыт солдат и офицеров (в том числе от 16 200 до 18 000 солдат пехоты, 12 250 драгун и 8450 рейтар, около 3000 унтер-офицеров пехоты и кавалерии, приблизительно 2000 гусар и от 500 до 1000 артиллеристов, инженеров и саперов из корпуса инженеров и солдат, выделенных в обоз в качестве ездовых и охраны¹⁰), набранных в самой Швеции в соответствии с системой так называемой «индельты» («поселенные войска», швед. «indelningsverket»)¹¹, а также по прямому найму (швед. «varvarde»). Ядро армии составляли шведы, финны и прибалты, а также немцы (в составе кавалерии числилось 6 немецких вербованных драгунских полков¹²). Мононациональные шведские, финские, немецкие и прибалтийские части в пехоте и кавалерии сохраняли выраженную территориальную природу в зависимости от места формирования, что придавало им дополнительную спаянность и обеспечивало понимание и взаимодействие в бою между солдатами и офицерами.

Легкая конница была собрана из валахов и поляков (12 гусарских хоругвей¹³).

Кроме этой главной армии, не считая гарнизонов, в Курляндии (Kurland, историческая область современной Латвии, располагается в западной части страны к юго-востоку от реки Даугавы) находился корпус численностью от 11 до 16 тыс. солдат и офицеров под командованием генерала Адама Левенгаупта; в Карелии и Финляндии в районах Выборга и Кексгольма – 13–15 тыс. под командованием генерала Георга Любекера; в шведской провинции Померания – 8 тыс. под командованием генерала Эрнста Крассау; в Польше остались союзные шведам польско-литовские отряды общей численностью около 16 тыс. человек под командованием польского короля Станислава I Лещинского и гетмана Яна Сапеги. Всего шведские вооруженные силы насчитывали около 100 тыс. солдат и офицеров в регулярных частях сухопутных войск (из них 75–80 тыс. полевых войск) и до 15 тыс. на флоте¹⁴.

¹⁰ В кн.: Артамонов В. А. Указ. соч. С. 7; Григорьев Б. Н. Указ. соч. С. 222; Молтусов В. А. Указ. соч. С. 278–280.

¹¹ Территориальная система воинского набора, связанная с выделением рекрута и его семье специального земельного надела, которая позволяла быстро формировать однородные пехотные или кавалерийские части, сплоченные местными традициями. – *Прим. авт.*

¹² Беспалов А. В. Указ. соч. С. 170–179.

¹³ Беспалов А. В. Указ. соч. С. 170; Тарле Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию / Е. В. Тарле. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 656 с. – С. 367.

¹⁴ Григорьев Б. Н. Указ. соч. С. 59.

Шведам противостояла русская армия, серьезно реорганизованная царем Петром I по западноевропейскому образцу в результате одиннадцатилетних военных реформ, последовавших за бунтом стрелецких полков в 1698 году. В Белоруссии были сосредоточены по разным данным от 58 до 67–70 тыс. солдат и офицеров под командованием фельдмаршала Бориса Шереметева (26 пехотных полков – 38 тыс., и 30 драгунских полков – 33 тыс., общей численностью 71 тыс. человек); в Ингерманландии (Ингрия – регион по берегам реки Невы на территории Ленинградской области Российской Федерации) – свыше 50 тыс. под командованием генерал-адмирала Федора Апраксина (25 резервных и гарнизонных пехотных полков – 47,5 тыс., и 5 драгунских полков – 4 тыс., общей численностью 51,5 тыс. человек); в Лифляндии и Ливонии, в районе между Ригой и Дерптом (нем. *Derpt*, *Dorpat*, современный город Тарту) – свыше 7 тыс. под командованием генерала Рудольфа Бауэра (6 драгунских полков, а также иррегулярная конница); гарнизонные войска в Украине в городах Киев, Нежин, Чернигов и других под общим управлением генерала Дмитрия Голицына – свыше 35 тыс. солдат и офицеров; приблизительно 20–25 тыс. казачьего войска в Украине под управлением гетмана Ивана Мазепы и городских полковников¹⁵. Всего русские сухопутные вооруженные силы насчитывали до 130 тыс. регулярных, 35 тыс. гарнизонных и свыше 25 тыс. иррегулярных полевых войск (по оценке русского историка П. Н. Милюкова, наличная численность русской армии в 1709 году составляла около 100 тыс. военнослужащих, без учета гарнизонных и иррегулярных войск¹⁶).

Для сравнения, в ходе войны за так называемое «Испанское наследство» Франция к 1701 году имела регулярную армию численностью около 220 тыс. солдат и офицеров в сухопутных войсках, Австрия к 1705 году – около 100 тыс., Англия к 1710 году – 75 тыс., а Голландия в период всей войны с 1701 до 1713 гг. поддерживала численность своей армии на уровне 120 тыс. военнослужащих¹⁷. Турция для ведения войны против России в 1711 году собрала полевую армию численностью более 118 тыс. солдат и офицеров, а союзное ей Крымское ханство одновременно выставило около 80 тыс. воинов¹⁸.

По мнению В. Молтусова, первоначально стратегический план шведского Главного командования основывался на результатах предыдущих военных кампаний в Саксонии и Польше, когда занятием столицы Саксонии города Дрездена удалось вынудить короля Польши и курфюрста Саксонии Августа II заключить мирный договор, а фактически капитулировать перед шведами¹⁹. Такого успеха не позволили добиться предшествовавшие походу в Саксонию шесть лет войны в Польше и ряд крупных побед, одержанных там над саксонско-польско-русскими войсками. Поэтому король Карл XII рассчитывал получить аналогичный результат в ходе кампании в России благодаря взятию Москвы. Соответственно, основным условием было успешное продвижение на восток через Смоленск по кратчайшему направлению к Москве, а сражение с главными силами русской армии являлось при этом желательным, но не обязательным условием проведения кампании. План также предусматривал задержку шведских войск в Саксонии как для сбора денежной и материальной контрибуции, увеличения численности армии за счет вербовки западноевропейских наемников-профессионалов и закупки лошадей

¹⁵ В кн.: Артамонов В. А. Указ. соч. С. 16; Бескровный Л. Г. Хрестоматия по русской военной истории. – М.: Военное издательство министерства вооруженных сил союза ССР, 1947. – 640 с. – С. 143; Беспалов А. В. Указ. соч. С. 43–44; Тарле Е. В. Указ. соч. С. 180–182.

¹⁶ Милюковъ П. Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столетія и реформа Петра Великаго. – Издание второе. – СПб: Типографія М. М. Стасюлевича, 1905. – 680 с. – С. 133.

¹⁷ Tincey J. Blenheim 1704. The Duke of Marlborough's masterpiece / Campaign // OSPREY Publishing, 2004. – № 141. – 96 p. P. 17–18.

¹⁸ В кн.: История Северной войны. 1700–1721 гг. С. 106.

¹⁹ Молтусов В. А. Указ. соч. С. 122, 124–125, 128–129, 132–133, 140–141.

(только за один месяц пребывания в Саксонии в шведскую армию были дополнительно рекрутированы 9–10 тыс. человек), так и с целью выманить русскую армию в Польшу, чтобы там внезапным маневром настигнуть ее и разгромить (русское командование разгадало этот замысел, и царь Петр направил в Польшу исключительно кавалерийский корпус в составе 23 драгунских полков, который выдвинулся к Висле и мог легко уклониться от боя с противником при невыгодных условиях).

Как видно, король Карл не учитывал имевшийся исторический опыт столетней давности, периода так называемого «Смутного времени», когда владение Москвой так и не позволило польскому королю Сигизмунду III, происходившему из шведской династии Ваза (Sigismund III Wasa, польск. *Żygmund III Waza*), установить свой контроль над русскими землями. Кроме этого, данный план противоречил теоретически обоснованному позднее Карлом Клаузевицем принципу, что главной стратегической целью войны должно быть уничтожение войск противника, а не занятие и удержание каких-либо территорий или объектов. Однако маловероятно, чтобы король Карл и без теоретических изысканий не понимал, что успех шведов в Саксонии был подготовлен и обеспечен всем предшествовавшим ходом Северной войны, когда именно поражения саксонских войск оставили курфюрста Августа II практически без армии. Только тогда захват Дрездена стал решающим ударом, который вывел Саксонию из войны.

Другим недостатком указанного плана по достижению успеха в кампании путем захвата Москвы являлось выбранное королем Карлом операционное направление через Смоленск. Хотя оно и являлось кратчайшим, но, как уже тогда заметили военные специалисты, на данном направлении было крайне мало хороших дорог и крупных населенных пунктов, зато много рек и болотистых лесов, что затрудняло и снабжение, и продвижение, и маневрирование войск.

Тем не менее, в начале похода в Россию шведы вполне рационально и успешно выполняли стратегический план наступления на Москву. Несмотря на численное превосходство неприятеля на главном операционном направлении, в период с декабря 1707 и до конца 1708 гг. шведская полевая армия умелым маневрированием без боя вытеснила противника из Польши (когда русские осенью и зимой 1707 года опустошили польские земли к Востоку от Вислы и подготовили там узлы обороны, Карл XII повел шведскую армию в обход этого района через Мазурию – покрытый густыми лесами и болотистый регион на границе Польши и Восточной Пруссии – А. Констам (Angus Konstam) отмечает, что этот маневр был подобен операции германских войск в Арденнах в 1940 году, позволившей глубоко обойти вражеские укрепленные рубежи по местности, считавшейся до этого непроходимой для больших масс войск²⁰); прошла разоренные русскими земли в Литве и Белоруссии (территорию Великого княжества Литовского) и одержала тактическую победу под Головчином; неоднократно вступала в боевые столкновения с отдельными русскими отрядами; затем, в связи с трудностями с продовольствием и фуражом, двинулась сначала в Северскую землю, а потом дальше, в глубь Украины, где союзником шведов стал гетман украинского казачества Иван Степанович Мазепа-Колединский.

Заняв зимние квартиры в районе населенных пунктов Ромны, Прилуки, Лохвица, Гадяч, Зеньков, Глинск, которые служили хорошей базой снабжения, шведские войска с середины февраля 1709 года, переждав период наиболее сильного половодья, начали сдвигаться к югу, в междуречье Псела и Ворсклы. Данное решение обуславливалось тем, что в весеннее время указанный район находился в зоне подтопления талыми водами и паводками, становившимися причиной длительной распутицы, которая изолировала друг от друга отдельные группировки шведов, располагавшиеся на значительном удалении друг от друга в связи с необходимостью самостоятельного обеспечения продовольствием и фуражом (крупные населенные пункты Полтавской Украины находятся в среднем на удалении 19–20 км друг от друга в связи

²⁰ Konstam A. *Poltava 1709. Russia comes of age / Campaign series // OSPREY MILITARY*, 1995. – № 34. – 96 p. – P. 32.

с зависимостью от источников воды, причем, чем южнее их месторасположение, тем крупнее населенный пункт, от 60 и свыше дворов на севере до 200–300 дворов на юге Полтавщины²¹). Стремясь избежать разобщенности войск, в апреле шведское командование полностью сосредоточило армию в сравнительно ограниченном районе к северу и югу от города Полтава, а 1 мая осадило город, занятый русским гарнизоном. Полтава располагалась на так называемом Муравском шляхе, по которому войска Крымского ханства неоднократно совершали набеги в глубь России, и являлась важным опорным пунктом, контролировавшим дороги и переправы по линии реки Ворсклы на пути между Запорожьем и Гетманщиной.

При этом, пройдя путь из Восточной Германии до Левобережной Украины, к середине весны 1709 года шведская армия во главе с Карлом XII сама оказалась в стратегическом окружении. На северо-восточном и восточном направлении от Полтавы находились отряды генерала князя Александра Меншикова (пропуск мягкого знака в фамилии возник в связи с ее написанием самим Александром Даниловичем Меншиковым, которое было обусловлено малограмотностью, хотя его жена, например, подписывалась: «Дарья Меншикова»²²); на севере и северо-западе, почти в тылу у шведов – войска фельдмаршала Бориса Шереметева и новоизбранного Верховной Радой украинского гетмана Ивана Скоропадского (Скуропадский, ранее генеральный есаул и Стародубский полковник, назначен гетманом в ноябре 1708 года); в Киеве и на территории Правобережной Украины – корпус киевского воеводы генерала Дмитрия Голицына (князь Дмитрий Михайлович Голицын) и фельдмаршала Генриха Гольца (Heinrich Goltz, немецкий офицер, уроженец Бранденбурга, служил в голландской и прусской армиях, был комендантом города Данциг (нем. Danzig, польск. Gdańsk), на русской службе с 1707 года).

Тяжелое стратегическое положение шведов несколько улучшило только то, что 11 марта 1709 года на казацкой Раде в Переволочне запорожские казаки приняли решение встать на сторону шведского короля. Еще в 1703 году гетман Мазепа писал царю Петру: «... чуть не вся Украина запорожским духом дышит»²³. Теперь этот дух проявился в союзе наиболее боеспособной части казаков с врагами «москалей» («москвитян»).

В середине марта отряды запорожских кошевых атаманов Ивана Шугайло (Шувайло, до 1500 конных казаков) и Федора Нестулея (до 500 конных казаков) напали на русских у Кобеляк и Царичанки, по нижнему течению рек Ворсклы и Орель (Орел)²⁴. В конце марта – 27 числа – в Будищах кошевой атаман Войска Запорожского Константин Гордиенко (Костя Гордеенко) и 8 тыс. казаков вместе с казачьей старшиной и войсковыми судьями принесли присягу на верность Карлу XII и Мазепе. Свыше половины из этих казаков действительно встали на сторону шведов – они частью остались при шведской армии, частью вернулись в Запорожскую Сечь или начали самостоятельные военные действия против русских, доходя до Чугуева (юго-восточнее Харькова), однако до 3 тыс. запорожцев решили принять выжидательную позицию и ушли в места к рекам Буг, Ингул, Ингулец²⁵. Отдельные отряды запорожцев заняли укрепленные населенные пункты, располагавшиеся на Полтавщине и по нижнему течению Днепра, вплоть до Сечи²⁶.

По мнению В. Молтусова, щедрые материально-финансовые посулы и денежные выдачи, производившиеся со стороны царя Петра в адрес запорожской казачьей старшины, вызвали неустойчивость и раскол в рядах казаков, что не позволяет рассматривать их в качестве надеж-

²¹ В кн.: Молтусов В. А. Указ. соч. С. 268.

²² Павленко Н. И. Александр Данилович Меншиков. – М.: Издательство «Наука». 1981. – 200 с. – С. 17.

²³ В кн.: Возгрин В. Е. Россия и Европейские страны в годы Северной войны (история дипломатических отношений в 1697–1710 гг.). – Ленинград: Издательство «Наука», 1986. – 296 с. – С. 222.

²⁴ В кн.: Молтусов В. А. Указ. соч. С. 174; Тарле Е. В. Указ. соч. С. 414, 420.

²⁵ В кн.: Молтусов В. А. Указ. соч. С. 177; Тарле Е. В. Указ. соч. С. 405.

²⁶ Тарле Е. В. Указ. соч. С. 381, 410.

ных союзников шведов в ходе войны в Украине²⁷. Вместе с тем в целом, контролируя южное и юго-западное направления от района Полтавы, союзные казаки обеспечили шведам связь с Правобережной Украиной и Польшей, Крымским ханством и Османской империей, откуда могла поступить помощь в борьбе против русской армии, на что и надеялись Карл XII и Мазепа.

Понеся большие потери в столкновениях с русскими с осени 1707 года (более 10 тыс. солдат и офицеров с начала похода, причем первый бой шведского авангарда с разведкой противника произошел уже в сентябре 1707 года в Польше, в районе Калиша (Kalisz)²⁸), шведский король рассчитывал компенсировать их привлечением вспомогательных сил и союзников – оставленного им в Польше корпуса генерала Эрнста Крассоу (Ernst Detlof Krassow), отрядов польского короля Станислава I Лещинского (Stanislaw I Leszczyński, ранее воевода в Познани), крымского войска хана Девлет-Гирея II. В связи с этим движение шведов на юг и осада важнейшего в этом районе стратегического пункта – укрепленного и хорошо снабженного полкового города Полтавы, являлись естественным стремлением обеспечить операционную базу по линии реки Ворсклы. Занимая эту линию, шведы поддерживали связь с запорожцами и сохраняли возможность соединиться с подкреплениями и союзниками из Польши и Крыма.

Однако сам царь Петр, опасаясь, что действия запорожцев приведут к выступлению крымского хана, а также активизации колеблющихся польских сторонников короля Станислава I Лещинского и Карла XII, прилагал серьезные дипломатические усилия и активно руководил своими военачальниками, стремясь оставить шведов в изоляции. В течение марта-апреля он вел непрерывную переписку с Меншиковым и Шереметевым, требуя «... а наипаче тщитца каналию запорожскую и сообщникоф их искоренять», и угрожая, что «А ежели допустите и по сему не учините, тогда собою принуждены будите платить»²⁹.

Следуя указаниям Меншикова, отряд из трех пехотных полков под командованием полковника Петра Яковлева (Петр Иванович Яковлев начинал службу в частях Лейб-гвардии, являлся доверенным лицом царя Петра, в феврале 1706 года в звании поручика гвардии сумел доставить указания царя командованию русской армии, блокированной шведами в Гродно, в 1708 году уже командовал драгунским полком из рекрутов, сформированным и использовавшимся для подавления восстания донских казаков во главе с «сообщниками гетмана Мазепы» атаманами Кондратием Булавиным и Игнатом Некрасовым³⁰, после чего полк был расформирован и поротно обращен на комплектование других драгунских частей³¹, а Яковлев участвовал в Полтавской битве в качестве командира Московского драгунского полка) и драгуны дивизии генерала Григория Волконского (князь Григорий Семенович Волконский), возглавляемые бывшим компанейским полковником Игнатием (Гнатом) Галаганом (Калаганом), двинулись в апреле из Киева вниз по Днепру, атаковали укрепленные пункты запорожцев (Келеберда, Решетиловка, Переволочна, Новый и Старый Кодак (Кудак)) и по очереди разгромили их, включая Запорожскую Сечь, которая пала 14 мая³² (полковник Галаган вначале присоединился к шведам вместе с гетманом Мазепой, но затем, оценив положение шведской армии и

²⁷ Молтусов В. А. Указ. соч. С. 179.

²⁸ Гилленкрок А. Сказание о выступлении его величества короля Карла XII из Саксонии и о том, что во время похода к Полтаве, при осаде ее и после случилось / Пер. с нем., введ. и примеч. Я. Турунова // ВОЕННЫЙ ЖУРНАЛ, 1844. – № 6. – С. 1–105. – С. 17.

²⁹ В кн.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. IX (январь–декабрь 1709 года). – В 2-х выпусках. – М. – Л.: Издательство Академии Наук СССР, вып. 1, М.-Л. 1950.; вып. 2, М. 1952. – 1621 с. – С. 117–118, 135 (вып. 1).

³⁰ Рабинович М. Д. Полки петровской армии. 1698–1725: Краткий справочник (Труды ГИМ, выпуск 48) / Под ред. Л. Г. Бескровного. – М.: Изд. «Советская Россия», 1977. – 112 с. – С. 99.

³¹ Фактически это был карательный отряд такого же типа, что и те «части особого назначения», которые через двести с лишним лет вновь боролись против казачества по всей России, например, в Хакасии таким «полком» командовал будущий советский детский писатель Аркадий Петрович Гайдар (Голиков). – *Прим. авт.*

³² Широкоград А. Б. Северные войны России / Под общ. ред. А. Е. Тараса. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Мн.: Харвест, 2001. – 848 с. – С. 252.

ее перспективы, в декабре 1708 года перешел на царскую сторону и привел с собой отряд из 500 казаков, которые служили личной охраной Мазепы; за измену запорожские воины-волхвы («характерники») прокляли род Галаганов до седьмого колена и записали проклятие своей кровью (имеется соответствующий документ), и хотя царь Петр вознаграждал Игнатия Ивановича Галагана, сделав Прилуцким и Чигиринским полковником, но его седьмой потомок – Павел Галаган, умер в 16-летнем возрасте от тифа, не оставив наследников).

Петр, по его словам в письме Меншикову от 23 мая 1709 года: «Сего дня получили мы от вас письмо, в котором объявляете о разорении проклятого места, которое корень злу и надежда неприятелю была, что мы, с превеликою радостью услышав, господа, отмстителю злым, благодарили с стрельбою» (в другом письме, написанном в тот же день к царевичу Алексею Петровичу: «... изменничье гнездо, Запорожскую Сечь, штурмом взял и оных проклятых воров всех посек и тако весь корень отца их, Мазепы, искоренен»)³³. Наряду с истреблением запорожцев, русские солдаты беспощадно выжигали украинские поселки и местечки, убивая их жителей так же, как и при взятии гетманской столицы – города Батурин в ноябре 1708 года³⁴. Оставшиеся в живых казаки частью укрылись в днепровских лиманах, где их продолжал преследовать Галаган; частью разбежались, начав партизанскую войну с царским ставленником, новым гетманом Иваном Скоропадским и русскими; частью вновь примкнули к шведской армии.

Польский король Станислав I Лещинский попытался выступить на помощь шведам со своей армией (по некоторым данным, ее общая численность составляла около 20 тыс. человек³⁵), однако он допустил ошибку, отказавшись от взаимодействия с корпусом генерала Эрнста Крассау, и в феврале 1709 года был разбит у Подкамня сводным русским корпусом под командованием Генриха Гольца и Михаила Голицына (пять пехотных и шесть драгунских полков – всего около 8–8,5 тыс. солдат и офицеров, не считая иррегулярных войск³⁶; позднее, в мае, фельдмаршал Гольц трижды разгромил отряд сторонников Лещинского первоначальной численностью около 6 тыс. человек, которым командовал Бобруйский староста и великий литовский гетман Ян Казимир Сапега, хотя, позднее, в октябре того же года, киевский воевода и великий коронный гетман Иосиф (Юзеф, Юрий) Потоцкий с отрядом элитной польской кавалерии, насчитывавшим 3–4 тыс. солдат и офицеров, нанес поражение под Одолянувом корпусу Гольца в составе 8 драгунских полков и Лейб-режима князя Меншикова)³⁷. В результате Заднепровский корпус царского генерал-фельдмаршал-лейтенанта Генриха Гольца, отряды польско-литовской шляхты – противников Лещинского, под командованием польского великого коронного гетмана Адама Николая Сенявского (Синявского) и литовского польного гетмана Григория Огинского (Огиньского), усиленные двумя городскими полками украинских казаков и двумя полками драгун, а также русские части, дислоцированные в Киеве, блокировали шведский корпус генерала Эрнста Крассау и лишили его реальной возможности пробиться из Западной Польши в Левобережную Украину, на помощь королю Карлу³⁸ (корпус включал один пехотный полк, пять рейтарских и драгунских полков и наемный французский конный полк, то есть должен был насчитывать 6–7 тыс. солдат и офицеров, но к февралю 1709 года, согласно донесению фельдмаршала Гольца, в этих частях оставалось всего около 4 тыс. военнослужащих³⁹). Под угрозой начала военных действий со стороны государств – будущих участ-

³³ В кн.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. IX (январь-декабрь 1709 года). С. 191, 192 (вып. 1).

³⁴ В кн.: Тарле Е. В. Указ. соч. С. 425; Широкоград А. Б. Указ. соч. С. 243.

³⁵ Серчик В. А. Полтава, 1709: Пер. с пол. / В. А. Серчик. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 192 с. – С. 106.

³⁶ Молтусов В. А. Указ. соч. С. 168–169.

³⁷ Беспалов А. В. Указ. соч. С. 126, 127; Серчик В. А. Указ. соч. С. 105; Молтусов В. А. Указ. соч. С. 182; Шефов Н. А. Самые знаменитые войны и битвы России. – М.: Вече, 2000. – 528 с. – С. 183.

³⁸ Беспалов А. В. Указ. соч. С. 92; Возгрин В. Е. Указ. соч. С. 201; Григорьев Б. Н. Указ. соч. С. 229; Молтусов В. А. Указ. соч. С. 280–281; Тарле Е. В. Указ. соч. С. 176, 196.

³⁹ В кн.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. IX (январь-декабрь 1709 года). – В 2-х выпусках. – М. – Л.:

ников заключенного в июле 1709 года Потсдамского договора (Дания, Саксония и Пруссия)⁴⁰, Лещинский и Крассау отвели свои войска от Львова за реку Сан к Ярославу в южной Польше, от которого до Полтавы было около 1000 километров (после Полтавской битвы Крассау вновь отступил через всю Польшу в Померанию, где в 1710 году командующим корпусом вместо него был назначен новый генерал-губернатор Висмара, Бремена и Вердена генерал Мориц Веллингк (Мауриц Веллинг, Mauritz Vellingk, родной брат участника Нарвской битвы генерала Отто Веллингка)). Соответственно, Б. Григорьев отмечает, что дислокация шести шведских полков в Польше, вместо их присоединения к главной армии, оказалась ошибкой Карла XII, так как этого было явно недостаточно, чтобы действительно контролировать ситуацию на более или менее значительной территории, а для создания видимости шведского присутствия и охраны Станислава Лещинского хватило бы и меньших сил⁴¹ (например, одного вербованного французского конного полка, сформированного в Познани. – П. Б.).

22 июня в шведский лагерь прибыли представители крымского хана, которые сопровождали командира легкоконного валашского полка полковника Сандула Кольца (Кольза, Sandul Kolza, Sandul Kolka) и письмоводителя королевской канцелярии Отто Клиновстрема (Otto Wilhelm Klinckowström, уже после Полтавской битвы осенью 1709 года был схвачен в Польше сторонниками саксонского курфюрста Августа II, передан русским, но сумел бежать из плена). В марте, после перехода запорожцев на сторону Карла XII, Клиновстрем был послан в Польшу для вызова Крассау и Лещинского⁴², а Кольца – в Бендеры, для переговоров с местным сераскиром о выступлении крымских татар на стороне шведов. Однако Бендерский сераскир Юсуф-паша Силистрийский прислал ответ, что Османская империя и ее вассал – крымский хан – в войну с Россией вступать не будут до заключения специального договора со шведским королем, на что требовалось определенное время.

Как видно, теперь оказались оправданы усилия царя Петра, который в апреле-мае находился в Троицком городке под Азовом, где вроде бы организовывал сбор флота, угрожавшего турецким сухопутным и морским силам в бассейне Азовского моря, а на деле подкупал турецких чиновников⁴³. Кроме взяток, для удовлетворения претензий турок, от лица которых в Азове выступал неофициальный представитель султана в Крыму Кападжи-паша, царь разобрал 12 кораблей (в основном, галер – два новых корабля из Воронежа и десять старых, давно уже несших службу в Азове), а также отпустил большую группу мусульманских пленников, в разное время захваченных казаками. Русским послом в Турции Петром Толстым был подкуплен великий визирь Чорлулу (Черлулу) Али-паша. Всего в Стамбул было отправлено 5,5 тыс. золотых монет и собольи шкурки стоимостью 10 тыс. золотых монет. В результате султан запретил крымскому хану немедленно выступить на стороне Карла XII, а также принять в подданство запорожцев, о чем они уже просили. После этого хан обратился за помощью к сераскиру Юсуф-паше в Бендеры, но тот получил из Стамбула указания о предварительном заключении со шведским королем специального договора, требовавшего от Карла военным путем добиваться прекращения экспансии русских не только на запад, но и на юг, к границам Турции и Крыма (дипломатический курьер, отвозивший текст данного договора, появился в шведском лагере уже после Полтавской битвы).

Вместе с тем сам крымский хан сообщил, что он полностью находится на стороне шведов и готов выступить при наличии благоприятных условий⁴⁴ (по утверждению суперинтен-

Издательство Академии Наук СССР, вып.1, М.-Л. 1950.; вып.2, М. 1952. – 1621 с. – С. 581, 582 (вып. 2).

⁴⁰ Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. – 3-е издание. – М.: Междунар. отношения, 1990. – 448 с. – С. 241.

⁴¹ Григорьев Б. Н. Указ. соч. С. 229–230.

⁴² Возгрин В. Е. Указ. соч. С. 218.

⁴³ Возгрин В. Е. Указ. соч. С. 225–227.

⁴⁴ Возгрин В. Е. Указ. соч. С. 224, 228.

данта евангелической церкви Словакии Даниела Крмана (Daniel Krman), находившегося при шведской армии с лета 1708 года, в лагере шведской армии под Полтавой целыми днями распространялся слух о приходе татар, туда привозили крымские вина, изюм, миндаль, винные ягоды и другие предметы, и туда же прибыл мурза крымского хана, который обещал выступление татар на стороне шведов и под командованием короля, если Карл XII гарантирует договором, что не будет единолично заключать мира с русскими, а также даст татарам разрешение на захват людей и угон скота из тех областей России, куда вторгнется крымское войско⁴⁵). В субъективном плане власти Крымского ханства симпатизировали Карлу, поскольку еще в 1704 году шведский король штурмом взял польский город-крепость Лемберг (нем. Lemberg, укр. Львов) и отпустил на свободу содержащихся там пленных татар и турок, дав им денег на дорогу⁴⁶ (как видно, царь Петр в этом вопросе лишь следовал примеру короля Карла). Однако, что важнее, объективно Девлет-Гирей II, так же как и Карл XII, осознавал опасность усиления России. Весной 1708 года царские послы подкупили местных племенных князей в Кабарде, которые начали нападать на Крымское ханство, развязали полномасштабный военный конфликт, и в июне 1708 года кабардинцы разбили крымского хана Каплан-Гирея в битве на горе Канжал, после чего ханская власть вновь перешла к Девлет-Гирею. Это предотвратило возможность выступления крымских татар на стороне шведов еще в 1708 году, но показало ханам, насколько актуальна угроза со стороны русских. Поэтому Девлет-Гирей был готов без предварительных условий помочь шведам, выставив против русских свое конное войско численностью 40 тыс. воинов, чтобы по договоренности с Карлом XII присоединить его к шведской армии либо самостоятельно вторгнуться в глубь России⁴⁷ (кроме татар в ханское войско входили запорожские и донские казаки, уцелевшие после разгрома Запорожской Сечи и подавления восстания донского атамана Кондратия Булавина). Даже после Полтавской битвы хан планировал предоставить шведскому королю военные силы с целью продвижения в Померанию и соединения с корпусом генерала Крассау, который должен был усилиться за счет присоединения шведских гарнизонов из немецких городов.

Как видно, в сложившейся обстановке на союзников и подкрепления шведский король в ближайшем будущем рассчитывать не мог, но состояние армии требовало от него незамедлительных решений и действий.

Поскольку небольшая шведская армия не имела регулярного подвоза, а «кормила себя сама», то есть добывала предметы снабжения путем реквизиций на территории, которую занимала, важнейшее значение для ее боеспособности представляли экономическое состояние местности и собственная маневренность, чтобы перемещаться из одних, более или менее обеспеченных районов, в другие, не задерживаясь долго в уже разоренной местности. Схема получения предметов снабжения включала как организацию свободной торговли с местным населением за конвертируемые золотые и серебряные деньги с помощью следовавших вместе с армией купцов и маркитантов, так и принудительное изъятие, в том числе обеспечивавшееся взятием заложников и наложением контрибуций на населенные пункты под угрозой их уничтожения. Полученных по этой схеме предметов снабжения и денег хватало на выдачу денежного, продуктового и вещевого довольствия военнослужащим, причем армия была освобождена от необходимости создания и охраны дорогостоящих магазинов снабжения, больших транспор-

⁴⁵ Крман Д. Итинерарий / Пер. Л. М. Попова, М. И. Цетлин // Вопросы истории, 1976. – № 12. – С. 93–111. – В ст.: Шутой В. Е. Малоизвестный источник по истории Северной Войны. – С. 103–104.

⁴⁶ В кн.: История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Составитель Т. С. Майкова, под общей редакцией А. А. Преображенского. – В 2-х выпусках. Выпуск 1. – М.: «Круг», 2004. – 632 с. – С. 248.

⁴⁷ В кн.: Игина Ю. Ф. Полтавская баталия в донесениях английского капитана Джеймса Джеффриса // Сборник исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. – СПб., 2010. – Вып. IX. – С. 64–79. – С. 68, 75.

тов и обозов, что предоставляло значительные преимущества в части экономии средств и в отношении повышения подвижности войск. В русской армии, напротив, помимо огромного армейского обоза (не менее 6–7 тыс. повозок, без учета артиллерийских фур), до 40 % которого отводилось под провиант, солдатам выдавали продовольственный хлебный паек зерном – рожью, который надо было самостоятельно переносить с собой, так что некоторые вскладчину нанимали дополнительные телеги, еще более увеличивая обоз, хотя это было запрещено, а другие от изнеможения выбрасывали паек на марше⁴⁸.

С другой стороны, как отмечает А. Констам, при отсутствии организованной системы снабжения шведской армии приходилось двигаться не в том направлении, которого требовала оперативная целесообразность, а туда, где имелись еще не разграбленные запасы продовольствия и фуража⁴⁹. Этим и воспользовался противник, который существенно ограничил возможность шведов получать предметы снабжения, прибегнув к достаточно примитивной стратегии «непрямых» действий.

⁴⁸ Молгусов В. А. Указ. соч. С. 155–156.

⁴⁹ Konstam A. *Poltava 1709. Russia comes of age*. P. 95.

§ 1.2. Оборонительная стратегия русского командования

По мнению В. Молтусова, эффективность защитных действий русского командования заключалась в проведении комплекса мер, которые условно можно свести к пяти группам:

- 1) строительство сплошной оборонительной линии на западном рубеже государства от Пскова до Севска (февраль-май 1706 года);
- 2) укрепление самых опасных участков, проходов, речных переправ, дорог, пересекавших либо лежавших вдоль границы (с начала февраля 1708 года);
- 3) укрытие хлеба и фуража в 200-верстной пограничной зоне между Псковом, Смоленском и Северскими городами (фактически с лета 1708 года);
- 4) инженерные меры и опустошение территории на дальних подступах и непосредственно перед наступающим противником (с июля 1707 года);
- 5) боевой контакт и столкновение с врагом без ввязывания в генеральное сражение (с зимы 1707–1708 годов)⁵⁰.

По нашему мнению, все эти меры сводятся к трем группам мероприятий – инженерная подготовка защитных сооружений в виде непрерывного рубежа и отдельных позиций, опустошение местности перед наступающим противником и ослабление вражеских войск активными действиями подвижных отрядов в тылу и на коммуникациях. Однако, как показала практика войны, наибольшую эффективность показали наименее затратные мероприятия, такие как опустошение местности и операции подвижных отрядов.

В соответствии с планом, принятым еще в декабре 1706 года в польском городе Жолкиеве (Жолкеве), к северо-западу от Львова (Лемберга), на генеральном военном совете русской армии («воинской думе»), проходившем под председательством царя Петра, было решено всячески уклоняться от боев со шведами в Польше; одновременно следовало разорять («оголаживать») те районы Польши, куда по условиям обстановки могла двинуться шведская армия⁵¹. В совете, помимо царя, участвовали Александр Меншиков, Борис Шереметев, Гавриил Головкин, Петр Шафиров, Григорий и Василий Долгоруковы, Борис Куракин⁵². Однако кому именно из участников совета принадлежит идея таких действий, воспроизводящих методы ведения войны скифскими племенами в период Античности («скифским подобием»), точно не установлено. Впрочем, аналогичные соображения, высказанные ведущими политиками Нидерландов («...с шведами в генеральную баталию отнюдь не входить и, какими хитростями будет возможно, уклоняться от того, малыми партиями... неприятеля беспокоивать, чем больше он в своих проходах обветшает в силе войск») были доведены до царя и в 1708 году через русского посла в Гааге Андрея Матвеева (сын боярина Артамона Матвеева, отец любовницы Петра – Марии Румянцевой (Матвеевой), матери фельдмаршала Петра Румянцева)⁵³. В результате стратегия «выжженной земли» с успехом стала применяться русскими на фронте протяженностью до 300–400 верст, причем не только в Польше и Литве, но и в Белоруссии, а также на Смоленщине и в Украине⁵⁴.

По воспоминаниям камергера Карла XII и его историографа Густава Адлерфельта (Адлерфельд, Gustaf Adlerfelt, погиб в ходе Полтавской битвы, его сын отредактировал и в 1740 году опубликовал материалы отца), фельдмаршал Шереметев, чтобы затруднить путь на Смоленск, сжег все города и села на пространстве 10–12 миль; взятый в плен под Полтавой

⁵⁰ Молтусов В. А. Указ. соч. С. 94.

⁵¹ В кн.: История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Выпуск 1. С. 275.

⁵² Серчик В. А. Указ. соч. С. 37.

⁵³ Возгрин В. Е. Указ. соч. С. 185.

⁵⁴ Тарле Е. В. Указ. соч. С. 203, 235, 320.

Первый министр шведского кабинета министров граф Карл Пипер (Carl Piper), отвечая на вопросы царя Петра, заявил, что русские под Смоленском сжигали все на 7–8 миль позади себя; из писем шведских солдат, которые пересылались через Польшу, следовало, что выжжена и разорена вся русская территория до местности в двух милях от Смоленска⁵⁵. Руководил опустошением местности, то есть порчей дорог и мостов, выжиганием деревень, забоем скота и выселением жителей в голое поле или в лес, – генерал и князь Меншиков, который использовал для этого не только отряды регулярной кавалерии, но и специальные группы из татар, казаков и калмыков. Они не только выжигали местность и уничтожали продовольственные запасы населения и корм для скотины в полосе шириной около 20 миль (1 немецкая миля по длине соответствовала приблизительно 7 верстам, что составляло 7,47 км, а шведская миля – около 10 км), но осенью 1708 года начали сжигать жилые дома, чтобы шведам негде было укрыться от холодов, оставляя при этом без крова женщин, стариков и детей (в награду за это распоряжением царя Петра население пострадавших населенных пунктов освобождалось от уплаты недоимок, то есть невзысканных в казну налоговых платежей за прошлые годы⁵⁶).

С точки зрения А. Констама, отражающего в целом обобщенное мнение западноевропейских военных историков, царь Петр как военачальник придерживался скорее интуитивного, чем рационального подхода к оперативной стороне ведения войны⁵⁷. В редких случаях непосредственного участия в боевых действиях он выполнял функции «кочующего» полевого командира, периодически бравшего на себя руководство частями на отдельных участках, и только в решающих, по его мнению, ситуациях, принимавшего главнокомандование войсками. Вообще же он предпочитал разрабатывать тактические указания войскам из кабинета, а не вдохновлять их личным примером на поле боя. Вместе с тем в области стратегического планирования он явно превосходил своего противника Карла XII, поскольку более рационально использовал имеющиеся силы на удаленных друг от друга театрах войны и операционных направлениях, а также учитывал стратегическую роль пространства и географических условий. Стратегия уступки пространства и «выжженной земли», примененная царем Петром, успешно использовалась русским и советским командованием в кампаниях 1812 и 1941 гг.

В действительности русское и советское военно-политическое руководство продолжало успешно использовать стратегическое отступление и активно применяло стратегию «выжженной земли» практически во всех крупномасштабных войнах против западноевропейских войск. Однако западноевропейские военачальники и полководцы, сражаясь на территории своих государств, даже в критические моменты не решались на подобные мероприятия. Так, прусскому королю Фридриху II в ходе Семилетней войны не пришла мысль затруднить продвижение русских и австрийских войск «оголаживанием» Померании, Восточной Пруссии, Силезии и временно оккупированной пруссаками Саксонии, а также отдельных районов Польши и Богемии, где проходили боевые действия. Император Наполеон I тоже не разорял Польшу, Германию и Францию в связи с поражениями французов в кампаниях 1813–1814 гг. Не прибегали к этому оказывавшиеся в катастрофических ситуациях император Наполеон III, маршал Жозеф Жоффр (Jozef Joffre), фельдмаршалы Пауль Гинденбург (Paul Gindenburg) и Эрих Людендорф (Erich Ludendorff). Интересно, что даже во время Первой мировой войны, по воспоминаниям Людендорфа, русское командование применяло те же приемы разорения собственной местности, что и за двести лет до этого – русские систематически уничтожали или сжигали все продовольственные запасы и помещения, скот они угоняли с собой и затем остав-

⁵⁵ Беспалов А. В. Указ. соч. С. 92; Тарле Е. В. Указ. соч. С. 232, 239.

⁵⁶ В кн.: Письма и бумаги императора Петра Великого. С. 620–621 (вып. 2).

⁵⁷ Konstam A. Poltava 1709. Russia comes of age. P. 9.

ляли подыхать по большим дорогам, а увлекаемое отступающими войсками население стогналось с дорог в болота и леса⁵⁸.

Поэтому, когда царь Петр рассказал о своем плане «оголаживания» супруге польского коронного гетмана князя Адама-Николы Сенявского (Синявский, польск. Adam Mikuláš Sieniawski) – Елизавете, урожденной княжне Любомирской (польск. Elena Alžbeta Lubomirsk), та ответила анекдотом про мужа, который, чтобы проучить жену, стал евнухом⁵⁹ (Елизавету относят к числу любовниц Петра, при этом ее собственный брак был бездетным, так что Адам Сенявский не оставил наследников). Такая реакция жены польского коронного гетмана вполне понятна, поскольку русские разоряли не только собственную территорию, но и чужие земли Польско-Литовского королевства – Польшу, Литву и Белоруссию, что в дальнейшем по нормам международного права стало относиться к военным преступлениям.

Так, например, аналогичный план, подобный замыслу царя Петра и его полководцев, был реализован более чем через 230 лет не только советским, но и германским командованием в ходе войны Германии против СССР. В связи с этим широко известен тот факт, что командующий немецкой группой армий «Юг» фельдмаршал Эрих Манштейн (Erich Manstein) издал приказ, согласно которому при отступлении осенью 1943 года на территории Левобережной Украины сжигались населенные пункты, разрушались транспортные магистрали и мосты, угонялись скот и население. По воспоминаниям Маршала Советского Союза Василия Чуйкова⁶⁰: «Мы продвигались к Днепру буквально по выжженной земле. Все села были сожжены, мосты и железнодорожные рельсы взорваны. Население угонялось за Днепр... Степь перед нами лежала черной обуглившейся равниной. Даже листва на садовых деревьях вся сгорела. Ни одного дома не осталось, ни одного деревянного строения. Тысячи голов скота, убитого немцами, лежали на полях и дорогах, издавая зловоние». Похожую картину на своем пути встречала и шведская армия, начиная с осени 1707 года и в особенности летом-осенью 1708 года.

Тем не менее в 1943 году именно такими мероприятиями на левом берегу Днепра была создана 20–30-километровая полоса «выжженной земли», а группа армий «Юг» благодаря этому вышла из-под ударов советских войск и, в основном, смогла переправиться за Днепр, где немцы восстановили сплошную линию обороны⁶¹. Вот только отдача приказов, инициировавших подобные действия, впоследствии инкриминировалась Манштейну в числе других деяний, за совершение которых британский военный трибунал в 1950 году осудил его как военного преступника. Немецкие солдаты и офицеры, исполнявшие эти приказы, «оголаживая» Левобережную Украину в тех самых местах, где на двести лет раньше воевали шведы Карла XII, также признавались военными преступниками, выявлялись, разыскивались, выдавались советской стороне и осуждались советскими военными трибуналами.

С другой стороны, исходя из оперативно-стратегической целесообразности, король Карл XII должен был поступить так же, как и германское командование, и противопоставить методам войны русских аналогичную стратегию «выжженной земли» в их собственном тылу. Для этого ему требовалось накануне или в начале похода в Россию заручиться помощью крымских татар и согласовать свои операции с вторжением крымской конницы в глубокий тыл царской армии с опустошением «ближней и дальней местности» (как это обещал сделать шведскому королю гетман Мазепа, но так и не осуществил из-за отсутствия сил и нерешительности⁶²). Впоследствии, в январе 1711 года, накануне войны России с Турцией, крымский хан Девлет-Гирей II организовал вторжение в Левобережную Украину и в феврале

⁵⁸ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2005. – 800 с. – С. 150.

⁵⁹ Валишевский К. Петр Великий. – М.: СП «Квадрат», 1993. – 448 с. – С. 202.

⁶⁰ Чуйков В. И. От Сталинграда до Берлина. – М.: Воениздат, 1980. – 672 с. – С. 362.

⁶¹ Манштейн Э. Утерянные победы / Сост. С. Переслегин, Р. Исмаилов. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 1999. – 896 с. – С. 573.

⁶² В кн.: Артамонов В. А. Указ. соч. С. 39.

сумел продвинуться в район Харькова, захватив и опустошив Бахмут, Змиев, Водолагу (Водолаги) и Мерефу⁶³ (татары отступили только после неудачного боевого столкновения с кавалерийским соединением генерала Иоганна Вейсбаха под Богодуховым⁶⁴). Подобный рейд весной-летом 1709 года оказал бы огромную помощь шведам и существенно изменил оперативное положение на Украинском театре военных действий. Однако шведское военно-политическое руководство не использовало дипломатические возможности для создания коалиции против России, а шведское командование применяло опустошение территории исключительно в тактических целях, делая это в сравнительно узкой полосе, чтобы таким способом затруднить противнику подход к местам расположения своих войск, как это было зимой 1709 года при остановке шведов на «зимние квартиры» в Украине. В дальнейшем шведы использовали аналогичную ограниченную тактику опустошения местности и на своей земле, уничтожая более или менее крупные населенные пункты на отдельных участках побережья Финляндии, с целью воспрепятствовать действиям русского галерного флота, нуждавшегося в постоянном пополнении запасов дров и продовольствия⁶⁵.

Разорение местности последовательно применялось русскими вплоть до Полтавской битвы, за исключением попытки усилить оборону в Белоруссии, решенной 23 июня 1708 года на военном совете («генеральном консилиуме») в Могилеве, что почти сразу же окончилось для царской армии поражением под Головчином (3 июля)⁶⁶. Вместе с тем, помимо опустошения местности и уничтожения материальных запасов, русская армия сковывала маневр врага за счет создания системы укрепленных позиций и препятствий на местности, а также использования иррегулярной кавалерии – казаков, татар, киргизов, каракалпаков и калмыков.

В своем исследовании В. Молтусов приводит обширные данные, касающиеся оборонительной системы инженерных сооружений, подготовленных по решению русского командования к маю 1706 года на рубеже от Пскова до Севска⁶⁷. Рубеж включал сплошную засечную линию шириной до 150 шагов из поваленных крест-накрест деревьев в лесистой местности, прикрытие позиционными укреплениями открытых участков и стратегически важных объектов – дорог, речных переправ и труднопроходимых проходов («пасов») на местности, а также кордонную систему опорных пунктов и узлов сопротивления. Так, оборонительный рубеж на линии Западной Двины опирался на узлы сопротивления в Полоцке и Витебске, по Днепру рубеж строился на базе опорных пунктов в Быкове, Могилеве, Орше и в районе Копыси, а далее к югу укреплялся Киев. В 1707–1708 гг. уже построенный рубеж дополнительно усиливался новыми инженерно-строительными мероприятиями.

Все эти мероприятия отнюдь не являлись новаторством в области оборонительной стратегии, но были всего лишь более широкомасштабным повторением работы по созданию так называемой «Белгородской засечной черты», строившейся в XVI–XVII вв. на границе Украины и России с целью противодействия набегам крымских татар в глубь России. В дальнейшем, в ходе Второй мировой войны на советско-германском фронте нечто подобное попытался воспроизвести Главнокомандующий германскими войсками Адольф Гитлер (Adolf Hitler), отдавший приказ о строительстве оборонительного рубежа стратегического значения от Балтийского до Азовского моря по линии: река Нарва, Чудское озеро, район восточнее Витебска, реки Сож, Днепр и Молочная (приказ фюрера № 10 от 11 августа 1943 года о немедленном

⁶³ История Северной войны. 1700–1721 гг. С. 106–107.

⁶⁴ Лубченков Ю. Н. Все полководцы мира. Новое время. – М.: Вече, 2001. – 384 с. – С. 64.

⁶⁵ В кн.: История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Выпуск 1. С. 385.

⁶⁶ В кн.: Тарле Е. В. Указ. соч. С. 198, 199; Широкопад А. Б. Указ. соч. С. 243.

⁶⁷ Молтусов В. А. Указ. соч. С. 94–102.

сооружении Восточного вала⁶⁸). Характерно, что во всех перечисленных случаях показанная оборонная эффективность такой инженерной подготовки местности совершенно не соответствовала затратам на эту подготовку. Однако, поскольку в сметах расходов и доходов царской казны в период за 1706–1708 гг. данные о расходах на указанные укрепления отсутствуют (эти сметы, в числе прочих, приводятся в исследовании П. Милюкова «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого»⁶⁹), то можно заключить, что все работы финансировались за счет местных средств и осуществлялись силами местного населения (В. Молтусов указывает на неоднократное привлечение к работам жителей в районе Орши и Могилева, а также в Смоленском и Брянском уездах, отмечая при этом, что все повинности по постройке засек, возведению укреплений, перевозке материалов и запасов выполнялись белорусскими и русскими крестьянами как обязательная личная повинность без всякого вознаграждения, точно так же, как и несение натуральной повинности по продовольственному и кормовому обеспечению царских войск⁷⁰).

Как видно, в данном случае царь Петр в очередной раз явился основоположником практики принудительного использования населения в военных целях, к чему впоследствии неоднократно прибегало как царское, так и советское военно-политическое руководство. В связи с этим необходимо вновь отметить то пренебрежение к собственному народу со стороны Петра I, который не только решил опустошать свою и чужую территорию, но еще и возложил на местные власти расходы по подготовке огромной оборонительной системы, но при этом совершенно не рассчитал эффективность требуемых мероприятий (вероятно, даже не подумал об этом, именно потому, что расходы обременяли не государственный «царевый» бюджет, а население). Вся та гигантская подготовка, осуществленная русскими податными сословиями на западной границе России, о которой говорит в своем исследовании В. Молтусов, оказалась на деле совершенно напрасной тратой сил и средств.

Как отмечает сам В. Молтусов, вследствие размаха инженерных работ, которые нельзя было скрыть или замаскировать, шведское командование не могло о них не знать⁷¹. Согласно воспоминаниям генерал-квартирмейстера шведской армии полковника Акселя Гилленкрока (Юлленкрюк, Axel Gyllenkrok, Gullenkrook, был взят в плен русскими уже после битвы под Полтавой, в сентябре 1709 года под городом Черновцы, в ходе неудачного разведывательного поиска небольшого отряда шведов, который, возможно, имел целью спровоцировать войну между Турцией и Россией), он предупреждал короля Карла о подготовке противником укрепленной линии с целью удержания оборонительных сооружений в труднопроходимых местах на главных дорогах из Белоруссии к Смоленску и Москве⁷². Даже преодолев эту линию, шведская армия могла быть легко отрезана русскими, которые вновь блокируют дороги за спиной шведов, а впереди будет лежать выжженная неприятелем местность, что неминуемо приведет к нехватке продовольствия и фуража. Поэтому Гилленкрок посоветовал Карлу обойти основную часть вражеского рубежа, начав наступление из Белоруссии в Прибалтику, в общем направлении на Псков (для этого Гилленкроком заблаговременно был составлен подробный оперативно-стратегический план ведения военных действий на северо-западном театре, включавшем важнейшие направления от Риги до Выборга). Однако король отверг этот вариант, практически не объяснив мотивы своего решения.

Тем не менее шведская армия так и не предприняла попыток преодолеть построенный русскими оборонительный рубеж, повернув от Смоленска на юг, в Северскую землю Украины.

⁶⁸ В кн.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Курская битва. – М.: Воениздат, 1970. – 400 с. – С. 328–329.

⁶⁹ В кн.: Милюков П. Указ. соч. С. 646–669.

⁷⁰ В кн.: Молтусов В. А. Указ. соч. С. 99, 100, 116.

⁷¹ Молтусов В. А. Указ. соч. С. 100.

⁷² Гилленкрок А. Указ. соч. С. 10–30.

Однако объяснялось данное решение шведского командования вовсе не опасениями перед оборонительными сооружениями противника, но острой нехваткой продовольствия, обусловленной вражескими мероприятиями по опустошению и выжиганию местности. При этом, в случае возобновления наступления на Москву, шведы обходили весь оборонительный рубеж неприятеля с юга. Другой вопрос, что принятое шведами решение, принципиально верное в иной ситуации, оказалось в итоге стратегическим просчетом, поскольку не учитывало ряда факторов, среди которых, прежде всего, отсутствие реальной возможности пополнения армии личным составом, а также непреодолимые трудности с получением предметов снабжения и ограничение возможности скрытно маневрировать в связи с активными действиями вражеской иррегулярной кавалерии и слабостью собственной легкой конницы.

Относительно использования русскими иррегулярной кавалерии – ее точное количество ни в одном из источников не приводится, однако в конце Северной войны численность русской иррегулярной конницы составляла 30–35 тыс. человек; по другим данным численность всей русской кавалерии за время Северной войны доходила до 84 тыс., причем количество драгун в 30 фузилерных и 3 гренадерских драгунских полках, составлявших всю регулярную кавалерию действующей армии, в 1720 году равнялась 36,6 тыс., а в 1724 году – 38 тыс. солдат и офицеров, то есть на долю иррегулярной конницы приходится более 40 тыс. человек; тем не менее, по сведениям, которые приводит Е. Тарле, когда 6 июля 1709 года производился смотр русской армии, численность иррегулярных сил составляла 91 тыс. человек⁷³. Отсюда неудивительно, что воспоминания и свидетельства участников похода шведской армии (Густава Адлерфельта, Фредрика Вейе, Акселя Гилленкрока, Джеймса Джеффриса, Давида Зильтмана, Даниела Крмана, Адама Левенгаупта, Йорана Нордберга, Йохана Норсберга, Роберта Петре, Станислава Понятовского и др.) полны упоминаниями о постоянных набегах вражеской иррегулярной конницы, которая затрудняла разведку, фуражировку и работу интендантских партий.

Касаясь возможностей самих шведов дифференцированно использовать свою кавалерию, необходимо заметить, что задачи по ведению разведки и осуществлению рейдов в тыл противника и на его коммуникации не могли быть решены силами армейских рейтарских и драгунских полков, поскольку они имели крупных и тяжелых лошадей, специально закупленных в Германии и Дании⁷⁴. Этого требовала тактика боя шведской кавалерии, заключавшаяся в ударном натиске на противника плотно сомкнутым строем эскадрона в поэскадронном линейном боевом порядке. Крупные лошади предоставляли преимущество в таком бою, но быстро утомлялись и требовали тщательного ухода и питания, то есть не годились для длительных маршей по сильно пересеченной местности в условиях содержания на подножном корму. В этом заключалось важное отличие лошадей шведской регулярной кавалерии от конского состава русской армии, где неприхотливые малорослые лошади позволяли использовать драгунские полки при осуществлении глубоких кавалерийских рейдов. Напротив, в шведской армии вся нагрузка по решению задач разведки и рейдирования возлагалась на собственно легкую кавалерию, представленную иррегулярной конницей.

В начале «Русской» кампании, когда боевые действия велись на территории Польши и Белоруссии, легкая иррегулярная кавалерия шведской армии – валахский гусарский полк в составе 12 хоругвей численностью до 2 тыс. всадников, по всей видимости, обеспечивал свое командование достаточно точными разведывательными данными (полк валахов или волохов, швед. «vallacks», называвших себя «товарищами», начал формироваться по предложению

⁷³ В кн.: Денисон Дж. История конницы. Кн. 1. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 480 с. – С. 277; Р. Эрнест Дюпюи и Тревор Н. Дюпюи. Харперская энциклопедия военной истории с комментариями издательства «Полигон». ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ ВОЙН. Книга вторая. – М.: «Издательство Полигон»; СПб., 1997. – 896 с. – С. 699; Тарле Е. В. Указ. соч. С. 521.

⁷⁴ Молтусов В. А. Указ. соч. С. 301.

генерала Магнуса Стенбока в 1702 году, после битвы под Клишовом, в связи с необходимостью в маневренных конных отрядах при ведении войны в Польше⁷⁵). Об этом свидетельствует то, что шведам зимой 1708 года с помощью простых обходных маневров удалось вытеснить царские войска с Вислинской линии. Королевская армия за месяц без задержек прошла по лесисто-болотистой местности Мазурских лесов почти 300 верст, обойдя русских, стоявших под командованием Меншикова на переправах через Нарев, а затем кавалерийский отряд во главе с самим Карлом XII с хода овладел ключевым Гродненским мостом через Неман.

В начале лета 1708 года шведская армия была расположена между Гродно и Радосковицами, насчитывая после изнурительного марша через Мазурию и весенних боевых действий теперь уже около 35 тыс. солдат и офицеров, тогда как русские главные силы составляли около 50–55 тыс. военнослужащих⁷⁶. Вместе с тем русские войска были распределены вдоль линии от Полоцка на Двине до Могилева на Днепре, прикрывая как направление на Москву, за которое отвечал фельдмаршал Борис Шереметев, так и Псков, где командование предполагал осуществлять сам царь Петр. Король Карл, отвергнув мирные предложения русского царя, а также советы первого министра Карла Пипера принять план генерал-квартирмейстера полковника Акселя Гилленкрока и начать наступление на псковском направлении, решил двигаться на Москву через так называемые «Речные ворота», по проходу между реками Двина и Днепр, который был защищен Смоленском.

Реализуя это решение, в июне 1708 года шведы форсировали Березину у Сапежинской Березы (Березино), в то время как русская армия ожидала их продвижения на Борисов, Чашников или Уллу (по этому случаю Петр писал к Меншикову: «Письмо ваше получил и видел, что неприятель вас обманул, перебравшись реку Березу в ином месте»). 6 июня шведская армия выступила из Радосковицей и двинулась к Березине. Проходя через Минск, король Карл выделил отряд под командованием генерала Акселя Спарре (Axel Sparre) для дальнейшего марша прямо на восток к переправе через Березину в Борисове, чтобы ввести в заблуждение фельдмаршала Гольца, стоявшего там же с кавалерийским корпусом из трех бригад в составе около 6,5 тыс. солдат и офицеров и 1,5 тыс. казаков. Для обороны переправы в Борисове русские сосредоточили 8 орудий, в том числе 6 средних полевых пушек, размещенных на заранее подготовленных позициях под прикрытием Каргопольского пехотного полка⁷⁷. В то же время главные силы шведской армии повернули к югу, 15 июня вышли к Березине южнее Борисова и под прикрытием артиллерии переправились через реку в трех местах.

Точно так же река Друть была форсирована 10 верстами севернее Бельничей, занятых русскими⁷⁸. Таким способом шведы дважды пытались отрезать от основных сил русских отдельный кавалерийский корпус под командованием фельдмаршала Гольца, но плохие дороги в болотистой местности замедляли продвижение, поэтому противнику в обоих случаях удалось заблаговременно отступить.

Перед битвой при Головчине, которая позволила Карлу XII овладеть узловым пунктом дорожной сети и открыть путь к Могилеву и Днепровским переправам, шведы установили наличие разрыва между группировками русской армии, благодаря чему смогли в сложных условиях, форсируя речку Бабич (Вабич, 30 км к западу от Днепра), нанести концентрированный удар и овладеть изолированной позицией дивизии Аникиты (Никиты) Репнина. После этого русским пришлось срочно выводить войска из укреплений, созданных ниже по течению Днепра, а также в Орше и Шклове, то есть оставить оборонительный рубеж, который готовился

⁷⁵ Брикс Г. Примечания к «Истории конницы» Денисона // Денисон Дж. История конницы. Кн. 2. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 480 с. – С. 154.

⁷⁶ Konstam A. Poltava 1709. Russia comes of age. P. 34.

⁷⁷ В кн.: Молтусов В. А. Указ. соч. С. 384.

⁷⁸ Бескровный Л. Г. Стратегия и тактика русской армии в полтавский период Северной войны // Полтава: К 250-летию Полтавского сражения. Сб. статей. – М.: Изд. АН СССР, 1959. – С. 21–62. – С. 42.

с 1707 года⁷⁹, а шведы заняли Могилев, где пополнили запасы продовольствия, поскольку русские войска не успели разорить и выжечь окрестности города (еще часть предметов снабжения удалось захватить в обозе дивизии Репнина).

Однако с момента задержки шведской армии под Могилевом положение начало изменяться. Прежде всего, русские получили помощь в виде отряда из нескольких тысяч литовской и татарской конницы от литовского польного гетмана Григория Огинского. Этот отряд, разделенный на мелкие группы, дежурившие на переправах, также активно участвовал вместе с русскими драгунами, казаками и калмыками в опустошении белорусских земель, противодействии разведке противника, перехватывании шведских продовольственных партий и фуражиров. Кроме этого, иррегулярная конница успешно блокировала попытки доставлять шведской армии предметы снабжения со стороны, на коммерческой основе. Например, когда несколько сотен купцов-евреев попытались вместе доставить шведам продовольствие и товары в сентябре 1708 года (торговым обеспечением шведской армии занималось около четырех тысяч евреев), их обоз перехватили калмыки, разграбили, а евреям отрезали уши и носы, после чего немецкие и еврейские купцы, двигавшиеся с той же целью из Кенигсберга, испугались и остановились в Литве⁸⁰.

Напротив, после вступления в Северскую землю Украины, шведские валахи, а также конные части из гетманских (с начала ноября 1708 года) и запорожских (с начала апреля 1709 года) казаков фактически вообще не смогли решить задачу по ведению разведки и действиям на коммуникациях русской армии, которая широко и беспрепятственно пользовалась подвозом предметов снабжения из тыла (так, уже находясь под Полтавой, 24 июня 1709 года царь требовал от воронежского коменданта Степана Колычева присылки через Белгород к своему лагерю трех тысяч лопат и тысячи кирок для производства земляных работ при строительстве полевых укреплений⁸¹

⁷⁹ Артамонов В. А. Указ. соч. С. 110.

⁸⁰ В кн.: Молтусов В. А. Указ. соч. С. 103.

⁸¹ В кн.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. IX (январь-декабрь 1709 года). С. 222 (вып. 1).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.